

Д. В. Васильев**Афганистан в центре Большой игры. 1878—1879. Акт второй: Посольство****Н. Г. Столетова**

Посольство Н. Г. Столетова в Кабул в 1878 г. имеет свою историографию. Однако есть необходимость более глубокого анализа исторических реалий с целью выявления всех сторон этого неоднозначного события. В статье в полном объеме воссоздается история посольства генерала Столетова. Особое внимание уделяется роли отдельных акторов и динамике внешнеполитической ситуации — факторам, оказавшим основное влияние на результативность и политическое значение миссии. Привлекаемая служебная и дипломатическая переписка, а также источники мемуарного характера обусловили применение методов анализа и критики исторических источников. Соблюдение принципа историзма позволило создать возможно объективный нарратив эпизода российско-афганских отношений. Проведенное исследование позволило дать оценку месту Афганистана в азиатской и европейской политике Российской империи и показало пример использования различных дипломатических инструментов для реализации политических задач государства.

Ключевые слова: Н. Г. Столетов, посольство, русско-турецкая война, 1878 год, Афганистан, Большая игра, Туркестан, Шир-Али, К. П. Кауфман, Берлинский конгресс, вторая англо-афганская война.

Несостоявшимся «Индийским походом» [4] кризис в российско-британских отношениях по поводу Афганистана не разрешился. Сам поход рассматривался российским правительством как часть комплекса военно-политических мероприятий с целью обеспечения прочной базы для создания постоянной угрозы индийским владениям Великобритании. Укреплению иллюзии готовности Афганистана к взаимодействию с Россией против Индии должно было способствовать российское посольство в Кабул во главе с генералом Н. Г. Столетовым, отправившееся в афганскую столицу еще в то время, когда Петербург разворачивал войска на границе, и прибывшее на место, когда военные приготовления стали сворачивать. Тем полезнее рассмотреть историю миссии, потерявшей свою актуальность в момент, когда ее демонстративное шествие по соседней стране должно было продолжиться актуальными переговорами и заключением действенного соглашения.

Весьма интересный очерк российского посольства в Афганистан дал М. А. Терентьев [15, с. 428—431, 440—466]. Будучи человеком военным, он довольно прямолинейно обвинил Н. Г. Столетова в передаче на российскую сторону недостоверной информации о своих встречах с эмиром. Назвал российского посла «неудавшимся дипломатом и главнокомандующим афганских войск» [15, с. 463]. Признал, что, посулив эмиру «помощь войсками и содействие дипломатическим путем, мы предоставили Афганистан его собственным силам и не только войсками, но и предстательством за него перед английским правительством никакой помощи ему не оказали» [15, с. 466]. Труды Л. Н. Соболева [14] и А. Е. Снесарева [13] обошли посольство Столетова молчанием.

Г. А. Хидояттов довольно много места уделил миссии Столетова [19, с. 264—268], признавал ее организацию нарушением англо-русского соглашения 1872—1873 г., но оправдывал «ответом на агрессивные действия британского правительства, которое пыталось лишить Россию плодов своей победы в войне» [19, с. 266]. Он выразил уверенность, что проект российско-афганской конвенции был подготовлен в Ташкенте [19, с. 265], однако убедительных доказательств этого не привел, что не снимает предположения о ее написании непосредственно в Кабуле. Исходя из общего контекста монографии, Г. А. Хидояттов, как и современный автор А. Б. Арбеков [1], основное место уделил имен-

© Васильев Д. В., 2022

но российско-британским отношениям, в которых Афганистан 1878—1879 гг. стал лишь одним из эпизодов. Авторы изданной в 1965 г. «Истории Афганистана» лишь упомянули о посольстве генерала Столетова, остановившись на внешней стороне мероприятия [10, с. 246—247]. Н. А. Халфин весьма кратко, но конкретно охарактеризовал миссию как мирную, но давшую повод англичанам к эскалации напряженности вокруг Афганистана [16, с. 122; 18, с. 95—96]. Чуть более подробно цели, результаты и влияние посольства рассмотрены в академическом коллективном труде «Россия и Афганистан» [12, с. 93—96]. Следует упомянуть историческое повествование Н. А. Халфина, в котором он воссоздал живую картину событий и портреты людей, вовлеченных в круговорот исследуемых в предлагаемой статье событий [17, с. 24—36, 47—62, 110—119].

Весьма интересной представляется и статья Т. Н. Загородниковой, в которой автор сообщила много интересных сведений о генерале Н. Г. Столетове и событиях, связанных с его дипломатической миссией [9]. Однако недостаточный объем статьи не позволил автору погрузиться во все перипетии отношений между Петербургом, Ташкентом и Кабулом. Предлагаемая статья как раз и восполняет этот пробел.

Основная часть используемых источников опубликована в сборнике документов, хранящемся в Национальной библиотеке Узбекистана имени Алишера Навои [11]. В нем опубликованы тексты из Национального архива Республики Узбекистан. Дополнением служат документы из российских архивов, опубликованные Т. Н. Загородниковой [3]. Часть сюжетов и документов восстановлены по запискам участника миссии Н. Г. Столетова И. Л. Яворского [20; 21]. Использование деловой и дипломатической переписки обусловило применение в настоящей статье методов критики и анализа письменных документов. При этом чрезвычайная затрудненность сообщения между Ташкентом и афганской территорией вызывает необходимость диахронного построения нарратива. А обращение к мемуарному жанру требует строгого соблюдения принципа историзма. Исследование отдельных дипломатических документов продиктовало применение формально-юридического метода.

«Индийский поход» туркестанских войск завершился, не успев начаться, но дипломатическое противостояние мировых империй так просто было уже не остановить. Фактически посольство Н. Г. Столетова прибыло в Кабул, образно говоря, постфактум, когда его цели (собственно дипломатическая, демонстративная и военно-политическая — развитие «Индийского похода») оказались бессмысленны. Тем не менее отступить было нелепо и преждевременно.

Российские дипломаты разместились в афганской столице в районе Бала-Хиссар в нескольких сотнях шагов от жилища эмира во дворце, который специально для того освободила любимая жена эмира и ее двор. «Дворец... представлял почти квадрат, две стороны которого, именно северная и южная, заняты зданиями. Наиболее обширное здание находится на северной стороне четырехугольника. Оно выстроено из необожженного кирпича; наружная облицовка его сделана из дерева. Здание имеет четыре этажа. На уровне третьего этажа устроена обширная терраса с каменной балюстрадой на ней. В разных местах по фасаду здания устроены балкончики и вышки. Весь фасад здания украшен резьбой из дерева. Вообще вид здания напоминает наши допетровские боярские хоромы-терема. Полной иллюзии мешала только плоская крыша да окна без стекол, закрывающиеся резными деревянными ставнями. Впрочем, на 3-м этаже одна комната... имела стеклянные окна. В здании было очень много комнат. Но мало было таких, которые бы можно было назвать удобными в европейском смысле этого слова. Мебели было очень мало: несколько кресел незатейливой работы, несколько простых стульев и столов, накрытых скатертями — произведением английских фабрик; туземные кровати с вере-

вочным переплетом вместо пружин и ватными тюфяками вместо волосяных — вот и вся внутренняя обстановка дворца. Нигде не замечалось ни одного зеркала. Комнаты очень небольшие, редко более 4—5 саж^{еней} [ок. 10 м. — Д. В.] в длину и 2—3 [ок. 5 м. — Д. В.] в ширину. Полы комнат устланы то персидскими коврами, то простыми паласами, то узорчатыми толстыми и мягкими киргизскими кошмами. В некоторых комнатах по верх ковров был постлан белый коленкор, тоже произведение английской мануфактуры. Потолки комнат были обыкновенного устройства в Средней Азии. Они были сделаны из камышовых циновок, положенных прямо на балки, а снизу были подбиты дешевым ситцем. Стены комнат довольно хорошо выштукатурены (впрочем, далеко не всех комнат) и в некоторых местах снабжены простенькими скульптурными украшениями из алебаstra. В толще стен устроены ниши, где стояли чайные сервизы, подсвечники и др. кабинетные вещи. В подсвечниках были вправлены стеариновые свечи английской фабрикации» [20, с. 318—319].

Итак, императорская миссия в Кабуле, российское наступление остановлено. Межимперские противоречия свелись к индо-афганскому (британо-афганскому) конфликту. В этих условиях вице-король Индии граф Литтон настаивал на отправлении в Кабул британской миссии [3, с. 153]. Его чрезвычайно смущало гостеприимство (и соответствующий общественный резонанс), оказанное эмиром Шир-Али¹ скромному по масштабам российскому посольству [3, с. 160—161].

30 июня пополудни генерал Столетов направился на первую аудиенцию к эмиру Шир-Али, но вскоре вернулся за другими членами миссии. Во время первой аудиенции Столетов представил эмиру всех членов посольства, которых тот милостиво приветствовал и много расспрашивал о России и Туркестанском крае [20, с. 323—325]. А вечером 1 августа кабульское небо озарилось огнями фейерверка в честь приезда российского посольства [20, с. 326—327].

Трудно удержаться, чтобы не процитировать весьма симптоматичный эпизод из записок врача миссии И. Яворского. На другой день после фейерверка глава посольства вновь собрался к эмиру для того, чтобы вручить Шир-Али дипломатические подарки, ценность которых, как правило, подчеркивала важность и значимость самой миссии. Что же снарядили в кабульский обоз по приказу туркестанского генерал-губернатора? Членов миссии ждало открытие в прямом и переносном смысле слова.

Подарки состояли из отделанной бирюзой низкого качества трости стоимостью в 600 руб.; бирюзового пояса с серебряной вязью и золотыми застежками, оцененного в 400 руб.; небольшого тюка дешевой парчи, нескольких парчовых и бархатных халатов, среди которых находились и суконные халаты, отделанные позументом. «Посылать в подарок эмиру, владельцу обширной страны, да еще, кроме того, человеку, бывавшему в Индии и знающему толк в вещах, простые суконные халаты! Такие халаты, какие обыкновенно уездные начальники Туркестанского генерал-губернаторства дарят сельским аксакалам! Да ведь это я уж не знаю на что похоже!..» [20, с. 327—328], — удивлялся доктор Яворский.

«Вот и все подарки. Очевидно, что преподнести эмиру такие подарки со стороны посольства было не совсем удобно. Нужно было как-нибудь устроиться, как-нибудь поправить всю эту некрасивую историю с подарками.

Тогда начальник миссии распорядился следующим образом. Он взял свои три лучшие лошади, подаренные ему эмиром бухарским; велел оседлать их подаренными эми-

¹ Написание имен эмиров, за исключением цитирования, приводится по: Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М. : Вост. лит. : Муравей, 2004. С. 239; Босворт К. Э. Мусульманские династии. М. : Наука, 1971. С. 273.

ром же эффектными бухарскими седлами с парчовыми поверх них попонами. Уздечки на лошадях были бирюзовые с коралловыми букетами на лбах. Таким образом вышел хотя и не очень ценный, но зато эффективный, бьющий в глаз, подарок.

Затем генерал взял лучшие из своих халатов, подаренных ему также эмиром бухарским в Карши. Тут были настоящие парчовые с золотыми кованными цветами; были также и настоящие кашемировые — все подарки щедрого нашего владетельного соседа.

После этого к подаркам были присоединены еще следующие вещи: одно ружье Бердана, пехотное с примкнутым штыком; 1 ружье Бердана же кавалерийское; 1 охотничье ружье Ланкастера. Затем туда же был присоединен 1 револьвер Смита и Вессона 2-го образца. Все это оружие принадлежало разным членам миссии. Ко всему этому еще присоединены были два серебряных сервиза — чайный и десертный¹.

Таким образом составились подарки, правда, стоившие не больше 4—5 тысяч, но зато довольно многочисленные. Хотя генерал еще во время первой аудиенции сказал эмиру, что наша земля обширна и обильна, но бедна деньгами, тем не менее, все же следовало бы послать эмиру более ценные подарки» [20, с. 328].

Если в первом акте этой трагедии мы видели генерала К. П. Кауфмана буквально обезоруженного неожиданным финалом «Индийского похода» [4], то история со скудными подарками ставит новые вопросы. То ли туркестанский генерал-губернатор торопился с отправлением миссии и не успел найти соответствующие средства для подарков (что сомнительно), то ли был убежден в успехе миссии и не утруждал себя в выборе подарков. Но есть и поистине пугающая догадка. А что если и эта миссия была лишь демонстрацией, подобной «Индийскому походу», каковой ее и воспринимали на Темзе?

Вполне понятно, что Лондон не мог не отреагировать на присутствие российской миссии в Кабуле и решил направить в столицу Афганистана собственное посольство. Встретить его эмир Шир-Али, с благословения Столетова, категорически отказывался [20, с. 335].

8 августа, спустя три недели, до российской миссии дошла весть о прекращении движения туркестанских войск в сторону Афганистана. Тем временем генерал Столетов завершал свою командировку. Можно сказать, что его отъезд знаменовал окончание существенного содержания российской миссии в Кабуле. Ему удалось подготовить документ, который и подводил итог его дипломатической деятельности в Афганистане. 9 августа 1878 г. датирован проект афгано-русского соглашения, представленного Н. Столетовым эмиру [11, с. 22—25]. Он открывался констатацией независимости государства Шир-Али (§ 1) и заявлением о признании наследников афганского престола (§ 3). Вторая статья признавала за эмиром достаточно силы для того, чтобы справиться со своими внутренними врагами, а потому российская сторона отказывалась от вмешательства во внутренние дела государства. «Только в случае, если государство эмира или его наследника (когда он будет эмиром) от какого-либо внутреннего или внешнего врага подверглось опасности, то тогда по просьбе эмира или наследника его (когда он будет эмиром) российское императорское правительство может вмешаться во внутренние дела даже поданием соответствующей помощи» (§ 2).

Российская сторона обязывалась по просьбе эмира принять на себя урегулирование «несогласий и столкновений» Афганистана с другими иностранными государствами (§ 4). То же касалось и случаев вооруженного нападения на страну (§ 5). При этом текст проекта прямо указывает на потенциального захватчика, уже завладевшего частью афганской территории: «...Если дело дойдет до войны, то... при дружбе Афганистана к

¹ Известно, что эмир переплавил бесполезные сервизы в монету, тем самым еще раз уменьшив стоимость подарка [21, с. 7].

России и при вооруженной помощи императорского российского правительства путем побед и меча могут вернуться под власть эмира афганского старые его территории, еще прежде перешедшие под власть другого государства путем захвата». А следующая статья напоминала о чрезвычайных дипломатических полномочиях туркестанского генерал-губернатора, во власти которого было оказание в том числе и военной помощи соседнему государству (§ 6).

Проект договора предоставлял эмиру право направлять в Россию, по соглашению с туркестанским генерал-губернатором, лиц на обучение различным (и военным) специальностям (§ 7, 8), а также приглашать из России необходимых специалистов (§ 9). Афганское и российское правительство, в лице главного начальника Туркестанского края, должны были принимать меры к обеспечению взаимного товарооборота (§ 10).

Завершающая статья (§ 11), прямо называющая автора проекта, стилистика документа, явно отличающая его от договоров, заключенных Россией с центральноазиатскими ханствами, а также то обстоятельство, что цитированный подлинник имеет надпись арабским шрифтом «Николай Геогиевич¹ Столетов» однозначно указывают на то, что он был составлен генералом Столетовым лично и, возможно, по его собственной инициативе. Как видно из следующего, проект договора был составлен при непосредственном участии эмира, откуда и происходит восточный слог документа.

Судя по всему, генерал Столетов оставил подготовленный документ эмиру, а сам вместе с врачом миссии покинул Кабул, о чем Шир-Али уведомил К. П. Кауфмана своим письмом от 10 августа [11, с. 25—26]². Здесь же он подчеркнул свое полное приятие российской позиции и сообщил о направлении в Ташкент своего посольства, которое прибыло в Самарканд 31 августа 1878 г.

«Афганскому посольству была устроена пышная встреча. Посольство следовало теми улицами, на которых расположены наиболее знаменитые памятники славного прошлого Самарканда, памятники эпохи Тимуридов. Затем, при въезде посольства в русский город, артиллерия гарнизона салютовала 30-тью выстрелами из пушек. Войска, расположенные побатальонно на прекрасном Абрамовском бульваре, могучим “ура!” отвечали на приветствие генерала Столетова. Затем посольство остановилось у дома генерала Иванова³, а войска в это время проходили перед ним церемониальным маршем. После завтрака, предложенного афганскому посольству в доме генерала Иванова, оно поместилось в богатом саду Самаркандского отдела [Зеравшанского округа. — Д. В.]» [20, с. 377].

Заметим, что, как выяснилось позднее, никакого посольства и не было, а высокопоставленные чиновники, выехавшие в Ташкент вместе с Н. Г. Столетовым, были назначены лишь в качестве почетного сопровождения. История с отъездом генерала из Кабула вообще оказалась непрозрачной. Покидая своих коллег и забирая единственного доктора, он объявил, что вынужден срочно выехать для доклада императору, а остальные члены миссии вместе с готовящимся афганским посольством на днях тоже вернутся в Россию. Все оказалось не так. Никакого посольства не планировалось, и миссии было назначено оставаться в афганской столице вплоть до ожидавшегося британского вторжения [21, с. 79—80].

Итак, 6 сентября 1878 г. афганское «посольство» представилось К. П. Кауфману в Ташкенте, а 10 числа Н. Г. Столетов выехал из Ташкента в Ливадию для доклада императору.

¹ Так в тексте [11, с. 25].

² По другим сведениям Столетов выехал из Кабула 11 августа [11, с. 28]. Другие члены миссии остались в Кабуле.

³ Н. А. Иванов, начальник Зеравшанского округа в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

Тем временем (9 сентября) туркестанский генерал-губернатор сообщал военному министру, что Шир-Али всячески уклонялся от приема британского посольства, а потому просил об ускорении российско-афганского сближения. Резюмируя пребывание Н. Столетова в Афганистане, туркестанский генерал-губернатор докладывал не только о гостеприимстве эмира. «Афганский эмир удивляется, почему мы ранее не обратили внимания на его страну, откуда легче всего нанести решительный удар Англии. Он теперь просит нашего полного протектората и им с помощью генерала Столетова составлен проект дружественной конвенции между нашим правительством и Афганистаном... Эмир... просит только в случае нужды нашей вооруженной помощи» [11, с. 28].

Несколько странно звучит предложение протектората, если учесть, что в самом проекте договора ничего подобного не заметно. Не исключено, что сам главный начальник Туркестанского края хотел бы превратить Афганистан в протекторат по аналогии с Бухарой и Хивой. И далее развивал свою мысль: «Понятно, что Англия не может без внимания отнестись к нашему влиянию в Афганистане и, может быть, объявит эмиру войну, хотя на вопросы по этому генерала Столетова эмир всегда отвечал, что он уверен, что войны англичане ему не объявят, хотя бы он и не принял их посольство и уклонился бы от всяких с ним сношений. Он (эмир) объясняет это боязнью англичан, начав с ним войну, возбудить туземное население Индии. Если это мнение эмира справедливо, то тем важнее для нас получить протекторат над Афганистаном» [11, с. 29].

Однако генерал Кауфман оставлял возможность для иного развития событий, утверждая, что в случае войны Великобритании с Афганистаном Россия должна была помочь эмиру. И с этой целью предлагал немедленно усилить войска Туркестанского военного округа силами двух пехотных дивизий с артиллерией и четырех казачьих полков. «Вот к чему нас обязывает протекторат над Афганистаном. С другой стороны, уклониться от этого протектората значит отдать Афганистан не только английскому влиянию, но, может быть, и полному подчинению. ...Отказ наш от протектората над Афганистаном на весьма долгое время сделает невозможным какие-либо сношения с этой страной... Мы сами себе закроем в этом случае среднеазиатский театр действий при разрыве с Англией... Не имея возможности нанести Англии решительный удар в Индии, мы опять рискуем, что восточный вопрос, когда настанет время продолжать его решение, или опять затормозится, или, при новой какой-либо комбинации европейской политики, решится не в нашу, а в английскую пользу» [11, с. 30].

Иными словами, К. П. Кауфман вполне однозначно подчеркивает главный интерес российского правительства к Афганистану — не механическое приращение территории, а превращение соседней страны в зависимое государство — плацдарм для угрозы Индии и инструмент в решении европейской повестки. Надо заметить, что туркестанский генерал-губернатор, выступая за расширение российского влияния в регионе, держал в голове не только индийское, но и китайское направление, не желая возвращать китайцам Кульджу [2; 5; 6; 8, с. 88—181].

Афганский эмир, со своей стороны, убеждал российского государя в полной и искренней преданности и подчеркивал, что он и его люди не реагируют на британские провокации и не предпринимают ничего такого, что было бы противно для Британии [11, с. 30—32]. В датированном тем же числом (27 сентября 1878 г.) письме туркестанскому генерал-губернатору эмир Шир-Али позволил себе быть более откровенным. Он не только признал, что посольство Столетова было воспринято британцами как провокация, и они сосредоточили свои войска у Хайберского прохода, готовые вторгнуться в страну, но и без обиняков обратился к полномочному представителю российского государя: «Прошу Вас по дружбе не оставлять меня... Вашим вниманием, Вашим расположением» [11, с. 32].

6 сентября военный министр телеграфировал в Ташкент приглашение генерала Столетова в Ливадию для доклада императору [11, с. 27], за которым последовало «высочайшее повеление войти в прямые дипломатические объяснения с английским правительством относительно решения афганского вопроса, имея главным образом в виду ограждение независимости Афганистана и *устранение вредных для нас в будущем последствий настоящего столкновения* [выделено мною. — Д. В.]» [11, с. 33].

Здесь мы впервые замечаем крен в этой истории в сторону соглашательства с Британией и игнорирования Афганистана. Не исключено, что правительственная точка зрения никогда и не менялась — Петербург никогда не терял уверенности в том, что ему удастся договориться с Лондоном. А Кабулу изначально была отведена роль разменной карты. Знал об этом К. Кауфман или нет, трудно судить. Но не догадываться не мог. Не исключено, что он попросту соскучился по активной внешнеполитической роли или же хотел в еще большей степени упрочить российское влияние в Центральной Азии.

Под статью Кауфману оказался и оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский. Он сам строил свою концепцию большой игры с Лондоном, видя в ее основе, по российской азиатской традиции, военный поход из Оренбургского края. И, не исключено, желал встать во главе него. «Сегодня видел я генерал-майора Столетова и узнал от него некоторые подробности касательно результатов посольства в Кабул. Из слов его заключаю, что посольство наше удалось [по смыслу — завершилось. — Д. В.] свыше ожидания и быть может даже свыше желания [признает некоторое злоупотребление доверием эмира. — Д. В.]. Очевидно, что Шир-Али, рассчитывая на связи свои в Индии и на враждебные отношения наши к Англии, почитает нынешний момент удобным, чтобы с помощью нашей не только отыгратья от разных английских препозиций, но и основать сильное магометанское, совершенно независимое государство на севере Индии. Готов верить, что при поддержке России план этот мог бы и осуществиться и что таким образом правительство наше могло бы нанести Англии такой ошеломляющий удар, что на долгое время отучило бы ее от вызывательной роли, которую она разыгрывает относительно России в последнее время» [3, с. 183]. Иными словами, в глазах Крыжановского уже брезжил североиндийский мусульманский протекторат России.

Оставшийся во главе кабульской миссии генерал Н. И. Разгонов смотрел на развитие событий совсем в противном направлении, нежели это виделось из Ташкента и Ливадии. Он признавал, что оставление российской миссии лишь способствовало приближению новой англо-афганской войны. Н. И. Разгонов писал: «...Правительство Шир-Али-хана глубоко сочувствует нам и верит, дверь в Индию широко открыта для нас. Это, насколько мне известно, та цель, которую требуется прежде всего удержать за собой. Эта позиция остается за нами, но только до тех пор, пока власть эмира не пошатнется. Она, наверное, пошатнется, если только англичане разовьют свои действия с достаточной энергией. Я всего менее боюсь английских войск, но крепко боюсь их золота, я боюсь внутренних смут, которые они поднимут» [11, с. 34]. Убраться из Кабула, по мнению Разгонова, значило снять напряженность со стороны британцев, а также позволить членам миссии избежать трудностей кабульской зимы. Оставаясь в афганской столице, члены миссии подвергались заболеваниям и прочим лишениям. Миссия осталась фактически без средств, фонд подарков был исчерпан. Более того, генерал Столетов использовал в качестве подарков даже лучшие вещи членов миссии. Уезжая, обещал прислать врача, деньги и подарочные вещи. Но... забыл. И это перед лицом англичан, которые только для начала работы своей миссии выделили 300 000 руб. и войска которых стояли в 300 верстах от Кабула [11, с. 35—38]. О каком авторитете, уважении и значимости можно говорить?!

Британская сторона действительно возмутилась присутствием в Кабуле российской миссии, о чем прямо заявил в своем письме к афганскому эмиру от 17 октября вице-король Индии Эдвард-Роберт Бульвер граф Литтон. Более того, он признал англо-русскую войну неизбежной. Сохранить добрые отношения с Лондоном Шир-Али предлагалось через покаяние и прием постоянного британского посольства. При этом эмир должен был взять на себя обязательство обеспечить безопасность «всем племенам», которые бы стали проводниками этой миссии, и безоговорочно компенсировать все убытки, которые могли бы возникнуть по ходу ее движения. Англичане угрожали принятием мер для ограждения от каких бы то ни было «оскорблений». И выдвигали ультимативный срок для выполнения всех своих требований — 8 (20) ноября 1878 г. В противном случае, уверял лорд Литтон эмира Шир-Али, он будет вынужден смотреть на намерения эмира как на враждебные и поступать с ним «как с отъявленным врагом британского правительства» [11, с. 38—40].

Надо заметить, что идея посольства родилась далеко не в Индии и далеко не в 1878 г. За несколько лет до этого, когда королева Виктория намеревалась принять титул императрицы Индии, активно обсуждался вопрос о занятии независимых стран, лежавших вдоль северо-западной границы британских владений. Военный агент в Лондоне А. П. Горлов напоминал, что уже тогда была заявлена необходимость уничтожения этих государств. В частности, речь велась об Афганистане. И появление российского посольства в его столице лишь развязало руки Лондону, который перешел к открытым действиям: «Первый шаг к такому покорению состоял в отправке в Кабул миссии с большим эскортом. С самого начала дела было положительно известно и от всех сторон сообщено вице-королю Индии, что такому эскорту Шир-Али не позволит войти в его владения, как он не позволил бы в прежнее время. <...> Вообще кажется, что Англия в афганском деле пойдет даже на войну с Россией, хотя она желает и надеется, что Россия в эту войну не вмешается» [3, с. 186—188]. Иначе говоря, эффект от миссии Столетова и от того факта, что она продолжала оставаться в Кабуле после его отъезда, был ожидаем и очевиден. Отказ эмира от приема британского посольства должен был неминуемо привести к войне.

Правильная внешняя политика всегда опирается на интересы своего государства. Во всяком случае, в Бисмаркову эпоху. А Афганистан оказался тем субъектом региональной политики, которому суждено было превратиться в объект политики мировой.

В российской столице продолжали скрывать истинные цели своего афганского посольства [3, с. 190], а в Лондоне всю готовились к военному походу на Афганистан [3, с. 194, 197—199].

Предвидя такую позицию Великобритании, российское правительство, «во избежание несвоевременного столкновения», предлагало эмиру пойти на перемирие с англичанами. Одновременно командующему Туркестанским военным округом предписывалось собрать списанные ружья и подготовить их к отправке в Афганистан, «если обстоятельства потребуют»¹. При этом афганское посольство с письмом государю следовало вернуть в Кабул или оставить в Ташкенте, а само письмо отправить в Ливадию, предварительно передав его содержание телеграфом [11, с. 40—41].

Сам же туркестанский генерал-губернатор, с одной стороны, передавал эмиру предложение правительства дать англичанам «ветвь мира» [11, с. 41—42], а с другой — писал военному министру 22 октября, что предстоящее британское посольство должно по чис-

¹ Заметим, что лондонское правительство через своего посла в Петербурге знало и было обеспокоено этим обстоятельством: «На... губернатора Туркестана возложена вся полнота власти как военной, так и гражданской, таким образом... он может снабжать эмира пушками и снарядами к ним без предварительных согласований, возможно, даже без уведомления правительства» [3, с. 224].

ленности не превышать столетовское, если англичане «пошлют его не с войсками, как прежде думали, а с почетным конвоем подобно тому, как отправлен был... Столетов, т.е. с 20 казаками» [11, с. 42].

При этом К. П. Кауфман, продолжая грезить протекторатом, вполне отдавал себе отчет в том, что, «сделав дерзость англичанам, Шир-Али готов, при виде грозы их на границе и отсутствии нашей помощи, отдаться им совсем. Ненависть у афганцев к англичанам большая, а к нам они по-видимому льнут, но страх берет свое. ...Мы можем угрожать Англии только состоя в дружбе с афганцами. Иначе Индия нам недоступна: я и считаю ее таковой до тех пор, пока не выразилась готовность Шир-Али не только дружить с нами, но даже просить нашего протектората. Этот протекторат очень соблазнителен. С ним мы все можем и, расположив здесь достаточные силы, не более двух дивизий пехоты, мы можем овладеть Англией и можем обязывать ее исполнять волю государя. Само собою разумеется, что протекторат без поддержки силы не имеет полезного значения и при первом неблагоприятном случае компрометирует нас и сам собой распадется». И тут же генерал Кауфман раскрывает подлинный смысл своей тяги к Афганистану: «Я боюсь во всем этом одного: если результатом всего, что теперь совершается здесь, будет подчинение Афганистана влиянию англичан, то мы потеряем то обаяние, которое мы приобрели в Средней Азии, потеряем безграничную веру в нас народов и правительств нас окружающих» [11, с. 43].

27 октября военный министр направил в Ташкент записку, содержащую решения, принятые в ливадийской резиденции императора. Она была получена К. П. Кауфманом 13 ноября 1878 г. В этой записке отмечалось, что в условиях угрозы разрыва с Великобританией после заключения Сан-Стефанского мира движение российских войск к Амударье и миссия генерала Н. Г. Столетова вполне соответствовали государственным интересам. Но заключение Берлинского мира примирило Петербург и Лондон и убедило российского министра иностранных дел пообещать отмену этих мер. Рассуждая далее о положении эмира, ставшего в жесткую оппозицию британцам и рассчитывавшего на российскую помощь, имперское правительство констатировало: «Такое предложение [просьба о помощи. — Д. В.], как вовсе не соответствующее интересам России и направлению нашей политики, его величеству угодно было отклонить. ...Государь император изволил найти нужным подействовать дипломатическим путем на английское правительство, дабы оградить Шир-Али-хана. <...> При таких затруднениях остается один путь для наших действий: употребить все усилия, чтобы привести к мирной развязке настоящего столкновения и затем поставить англичан в прежнее уединенное положение». Чего было больше в этом — наивности или лицемерия, сложно судить. Скорее всего, придется признать, что рассчитывать на смирение англичан было невозможно, а необходимость их травмирования дружбой с эмиром уже миновала. И государь повелел уговорить Шир-Али на компромисс с британцами, оставить российскую миссию в Кабуле, заявить лондонскому кабинету, «что мы искренне желаем уладить мирным путем настоящее столкновение британского правительства с Шир-Али-ханом, но что русские интересы в Азии безусловно связаны с сохранением независимости Афганистана» [11, с. 52—55]. Несколько выбивалось из этого решение собрать снятые с вооружения ружья и патроны к ним в местах, откуда их было бы удобно доставить на афганскую территорию. Скорее всего это была уступка военным и К. Кауфману в первую очередь. И далеко не факт, что вооружаться ими должны были русские войска, уже отведенные к тому времени от Амударьи.

Остававшийся в Кабуле генерал-майор Н. И. Разгонов неожиданно решил начать свою игру. Вместо предложения принять британскую миссию он посоветовал эмиру тя-

нуть с приглашением англичан как можно дольше. По его мнению, 10 лет отказа в приеме британцев не привели к войне; их условия (утверждение своего господства) были известны; присутствие российской миссии на изменение этих условий повлиять не могло; присутствие британской миссии в Кабуле не только, безусловно, привело бы к войне, но и ускорило победу ост-индцев благодаря английскому золоту, которое бы непременно привлекло на их сторону недовольных эмиром [11, с. 47].

Выступая в роли военного советника, генерал Разгонов обсуждал с правительством эмира способы ведения войны в случае вторжения англичан и наблюдал за внутренним состоянием государства. Он отметил, что создание регулярной армии, с одной стороны, привело к появлению самого мощного в регионе войска, а с другой стороны, стимулировало недовольство властью из-за высоких налогов на ее содержание и тяжелой воинской повинности. Поэтому в поле его внимания оказались враждебные эмиру партии. Одна во главе с пробритански настроенным сыном эмира Якуб-ханом, действующая в центре страны. Другая во главе с живущим в Туркестанском крае Абд-ар-Рахманом¹ пользовалась успехом в Афганском Туркестане [11, с. 45—46].

Касаясь высочайшего приказания миссии оставаться в Кабуле, генерал Разгонов подчеркивал бессмысленность этой затеи, которая только морила ее членов болезнями и раздражала англичан, что противоречило смыслу главных указаний российского правительства, и надеялся на возвращение в пределы империи [11, с. 49—50].

Вернемся к кауфмановской «ветви мира». Получив это послание туркестанского генерал-губернатора, обнадеженный дружбой эмир Шир-Али ответил ему 7 ноября: «Хотя Мы знаем англичан, что они ни за что (не сложат рук) не откажутся питать <к> государству, нам свыше дарованному, вражду и высокомерие, так и в настоящее время остается лишь за начатием выстрелов и, установив дружбу, бросить вражду они не думают, но Мы все-таки, согласно Вашего совета и указания его величества императора, дали им в руки ветвь мира, написав дружеское письмо с ласковыми словами» [11, с. 56].

В итоге, отвечая тем же днем лорду Литтону на его ультиматум от 17 октября, эмир перечислил основания, которые не позволяли ему доверять британцам. Это и требование освободить из заключения пробритански настроенного оппозиционера Якуб-хана. И убеждение в том, что прибытие английского посольства «может причинить ослабление правам правителя, который есть самостоятельный и независимый государь своего народа». Наконец, эмир обратил внимание на однозначно провокационное утверждение вице-короля о том, что Англия возьмет под свою защиту те племена, которые могут пострадать, сопровождая посольство. Следуя рекомендациям с другого берега Амударьи, Шир-Али резюмировал: «Теперь, открыв Вам свое сердце, чистосердечно сообщаю своему любезному другу, что афганское правительство никакой вражды к британскому правительству не имеет и не будет иметь и прежняя дружба будет прочна». И повторял слова Кауфмана об ограничении посольского конвоя 20—30 военными «по примеру русского посольства» [11, с. 56—58].

Следует подчеркнуть, что предложение «ветви мира» англичанам было воспринято в Кабуле едва ли не как предательство. Очередное письмо Н. Разгонова в Ташкент от 8 ноября 1878 г. дает основания понять, что в этот момент афганское правительство почувствовало себя одиноким и брошенным на съедение британскому льву.

«Тяжелое, подавляющее впечатление произвело здесь письмо Ваше, рекомендуемое афганам подать англичанам ветвь мира в форме принятия английского посольства. Надо быть здесь и знать положение дел, чтобы оценить по достоинству всю серьезность этого

¹ Имя эмира дано в написании, предложенном в работе: Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. М. : Вост. лит. : Муравей, 2004. 310 с.

шага и всю опасность этого эксперимента. Я старался выяснить [разъяснить. — Д. В.] саванникам, что к примирению приходится прибегнуть как к единственному средству, чтобы предупредить несвоевременное столкновение и спасти Афганистан от немедленного вторжения врага; что принятие английского посольства рекомендуется условно, если будет признано эмир-маибом возможным; но они возразили, что этого условного выражения не чувствуется в письме к эмиру. Затем они просили меня (и весьма настоятельно) дать им письменное заявление, что слова Вашего высокопревосходительства ими верно поняты, что английское посольство будет принято ими во исполнение категорически выраженного желания Вашего высокопревосходительства. Я отказал в этом. Принятие английского посольства может иметь слишком серьезные последствия, поэтому настоящая правительственная партия желала иметь в моем письменном заявлении оправдательный документ и всю ответственность перед народом за последующие события и свалить на нас — русских. <...> Ваш категорический ответ подать... англичанам ветвь мира сильно пошатнул надежду Шир-Али на твердую решимость императора оказать ему, в случае последней крайности, действительную поддержку войсками» [11, с. 59]. Разгонов приводит слова эмира: «Я... целую жизнь борюсь с англичанами за независимость, всегда был вашим заочным другом, хотя и не искал вашей дружбы — не звал вас; но великий император могущественной державы сам предложил мне дружбу, которую я поспешил принять с сердечной радостью и с гордостью возвестил своему народу, что имею великого, вполне надежного союзника. Быть после этого опозоренным в глазах моего народа, стать посмешищем врагов — вот чего я боюсь. А как Вы думаете, — спросил он меня, — этот позор падет также и на Россию или нет? Как смотрит на это русский император?» [11, с. 59—60].

Афганский эмир все еще надеялся, что вернется генерал Столетов и приведет с собой солдат. Или объяснит императорскому правительству неотложную необходимость выполнения обещаний, данных южному соседу. Вместо того Н. Г. Столетов писал афганскому визирю накануне истечения британского ультиматума: «Прежде всего я надеюсь, что Вы будете столь любезны, передадите мое почтение эмиру. Да даст ему Бог долгую жизнь и да улучшит его здоровье! Я всегда буду помнить его царское гостеприимство. Я занят день и ночь его делами и, благодаря Бога, мои труды не остались без успеха. Великий император — верный друг эмира и Афганистана, и его величество сделает все, что сочтет необходимым. Без сомнения, Вы не забыли, как я говорил Вам о том, что дела государства похожи на страну, которая покрыта множеством гор, долин и рек. Кто сидит на высокой горе, может все это видеть. По повелению и власти Бога нет другой империи, подобной империи нашего великого императора. Да продлит Бог его жизнь! Поэтому все, что наше правительство посоветует Вам, Вы должны исполнить. Истинно говорю Вам, что наше правительство мудро как змея и невинно как голубь. Много есть вещей, которых Вы не можете понять, но наше правительство понимает их хорошо. Часто случается так, что то, что нам не нравится сначала, благословляется нами потом. Теперь, мой добрый друг, знайте, что враг вашей славной религии желает заключить с Вами мир через посредство турецкого кесаря. Поэтому Вы должны следить за Вашими братьями, которые живут по другую сторону реки. Если Бог укрепит их и даст им в руки меч войны, тогда, призвав имя Божие, выступайте; другими словами, Вы должны быть подобны змее: наружно показывайте мир, а тайно готовьтесь к войне, и когда Бог Вам даст свое знамение, тогда и обнаружьте себя. Было бы хорошо, когда бы посланник вашего врага захотел войти в вашу страну, и если б Вы, в свою очередь, послали в страну врага способного посла, владеющего змеиным языком, полным лукавства, так чтобы он сладкими речами опутал ум врага и довел его до того, чтобы он отказался сразиться с Вами.

Мой добрый друг! Доверяю Вас провидению Божьему». Не удивительно, что советники эмира больше недели думали над расшифровкой фразы про змею и голубя [21, с. 85—86].

Конечно, политика (в том числе и внешняя) непростое дело. Тем более верным видится спустя полтора века выбор главного переговорщика с Афганистаном, призванным мириться со своим буферным положением. Генералу Столетову было не привыкать брать на себя ответственность за невыполнимые обещания и недрожащей рукой направлять афганского эмира в пучину российско-британского политического круговорота.

Приходится признать, что афганское правительство оказалось заложником российско-британской внешнеполитической борьбы. Причем азиатский театр этой борьбы был поставлен в зависимость от европейского. Вдохновляя эмира на дружбу, Петербург активно убеждал его в силе и непобедимости русского оружия, в готовности российских войск поддержать своей мощью независимого государя. Посланный в Кабул генерал Столетов тайно от других членов миссии не известно что, но много обещал афганскому правительству. Оставленный вместо него генерал Разгонов не был снабжен никакими полномочиями и инструкциями. Он продолжал убеждать эмира в коварности и враждебности англичан. А позиция Петербурга за это время изменилась! Надо было доказывать уже обратное! Новому имперскому послу совестно, он не готов письменно подтверждать полярное указание российского правительства, за что получает окрик «Осел!» на полях своего письма генерал-губернатору [11, с. 59].

И не будем забывать, что британское доминирование в Азии держалось на финансовом могуществе, а российское — на авторитете, благожелательности и гуманизме. «Между нами и англичанами здесь постоянно делают сравнение во всем, даже в бумаге, на которой пишутся письма к эмиру. Афганистан есть все-таки Азия и внешняя сторона имеет здесь значение. Ваше высокопревосходительство согласитесь со мной, что состязаться нашей миссии с английской будет трудно. <...> Что подумают афганы, сравнивая мое незавидное положение с положением английского уполномоченного? Афганы нас почти не знают, по общему впечатлению всей обстановки [болезни, отсутствие «подарочных» ресурсов, неопределенность полномочий и т.п. — Д. В.] и слов речи, по сравнению с англичанами они производят оценку наших сил, нашего могущества, нашего величия» [11, с. 61—62]. А афганцы (эмир), по английским сведениям, был «очень разочарован русскими, которые хотя и обещали помочь 30 000 солдат к 5 декабря, до сих пор не перешли Оксус [Амударью. — Д. В.]» [3, с. 226].

В конце октября из Кабула от нового главы миссии Н. И. Разгонова была получена просьба эмира о направлении ему русского врача, которая в скором времени была исполнена. И. Яворскому пришлось направиться в афганскую столицу [21, с. 2—3]. 16 ноября он явился на прощальную аудиенцию у туркестанского генерал-губернатора: «За завтраком он познакомил меня до известной степени с так называемым “афганским вопросом” и той ролью, которую Россия могла играть в нем. Он высказал при этом много очень веских суждений о начавшейся распре между англичанами и афганцами — суждений, которые оправдались потом почти с математической точностью. Говоря о моей предстоящей поездке, он указывал на то, что могло более или менее затруднить мое путешествие по Афганистану.

— Трудности не только Вашего путешествия, но и вообще положения миссии в Афганистане, — говорил генерал Кауфман, — возрастут особенно с тех пор, когда англичане начнут военные действия против афганцев.

В противоположность общему мнению нашей прессы, утверждавшей, что англичане к немедленному походу в Афганистан не готовы и не могут открыть военных действий раньше весны, генерал Куфман говорил, что, когда я приеду в Кабул, англо-афганская

война будет уже в полном разгаре. При этом он прибавил, что Россия не может оказать эмиру Шир-Али помощи своими войсками, несмотря на его просьбу об этом, выраженную в письме к государю императору. Вообще генерал-губернатор рекомендовал как мне, так и вообще миссии соблюдать полнейшую осторожность и сдержанность в сношениях с афганцами» [21, с. 7].

За два дня до этого, 14 ноября, военный министр телеграфировал туркестанскому генерал-губернатору о начале военных действий против афганцев [11, с. 63]. На следующий день Н. Разгонов направил К. П. Кауфману письмо, излагая предысторию события. Напомним, что англичане выставили крайний срок для ответа насчет посольства — 8 ноября. 6 ноября правительство эмира подготовило ответ с тем расчетом, чтобы 8 числа он оказался в руках начальника английских войск в Джемруде. Но непосредственно перед отправкой было получено письмо Кауфмана от 22 октября о «ветви мира». Ответ британцам был отредактирован и отправлен лишь утром 8 ноября, а на границу мог быть доставлен лишь 10 числа после полудня [11, с. 64]. Как стало известно позднее, посланный прибыл к Хайберскому ущелью уже в самый разгар боя [11, с. 70].

Генерал Н. Разгонов: «Во всяком случае неоспорим тот факт, что англичане сами открыли враждебные действия еще до получения ответного письма от эмира» [11, с. 64].

Генерал К. Кауфман: «Англичане во многом виноваты, но в этом едва ли их винить справедливо. Они дали ультиматум, коего срок исходил 8-го ноября. Их ультиматум получен был в Кабуле 25-го октября, было время ответить “да” или “нет”. А между тем ответ отправлен из Кабула 8-го ноября» [11, с. 64].

Безусловно, талантливым дипломатом был Константин Петрович! Удерживая эмира ожиданием своего решения, еще и обвинил его в затягивании ответа. Хотя не все так просто. Когда разгорелся скандал с поддельными письмами Кауфмана, содержащими подстрекательство к прямому сопротивлению англичанам, тому не трудно было это опровергнуть. Обвиняя Столетова в провоцировании и потворстве «разыгравшимся страстям эмира», он заявил: «Совесть моя и в этом отношении совершенно чиста и доказательства налицо. Интрига, какая бы ни была, мне не по сердцу, и я всегда и во всем действую на чистоту...» [15, с. 522].

А когда правда всплыла наружу, уже при новом английском кабинете Уильяма Гладстона, новый российский посол в Лондоне граф А. Б. Лобанов-Ростовский распространил в британских правящих кругах эту записку К. П. Кауфмана, в которой, кроме прочего, туркестанский генерал-губернатор высказался об «общности интересов наших в Азии с Англией, о том что у нас там общие враги — мусульманство и варварство, что успех азиатов над англичанами невыгодно отзовется и на нас, что успех азиатов над нами послужил бы гибелью для Англии. Там же... говорил и о вреде снабжать армии азиатских владетелей усовершенствованным оружием и учить их драться с европейцами, и что мы должны идти рука об руку с Англией в делах наших в Азии» [15, с. 525].

Так сложилось, что не желавший попусту превращать Афганистан в поле боя британцев оказался втянутым в одну из самых неприятных историй в отечественной дипломатии. «Что за горькая судьба Кауфмана во всем этом деле: посылает он Столетову известие, что Берлинский конгресс кончился благополучно, и приказывает Столетову воздержаться от каких-либо решительных обещаний, а тот, вопреки этому приказанию, полученному им как раз в самую пору, накануне вступления в Кабул, наобещал эмиру целую кучу, даже 30 000 войска, и исчез “как рыба в воду”! Посылает Кауфман Разгонову приказание посоветовать эмиру принять английское посольство, а тот, вопреки этому приказанию, советует как раз наоборот! Посылает Кауфман тому же Разгонову приказание оставаться в Кабуле до получения особого распоряжения, а тот, вопреки этому при-

казанию, собирается утекать, заварив в Афганистане кашу... Эти доморощенные дипломаты вели свою собственную политику, нисколько не отвечающую видам правительства» [15, с. 485]. Судя по всему, центральноазиатские рубежи России были местом не только бесконтрольности генералов [7, с. 117—176], но и безответственности дипломатов.

Афганское правительство понимало, что избежать британского вторжения было уже невозможно, что проблема заключалась не в приеме посольства как такового, а в выполнении неперемных условий: «1) допустить постоянного английского резидента в г. Кабуле и в других пунктах, где окажется нужным, 2) позволить занять английскими гарнизонами известные пункты и 3) не вступать ни в какие соглашения ни с кем, кроме Англии» [11, с. 65]. Это доказывали и слова самого эмира: «Да, я совсем не хочу воевать с ними — ни теперь, ни после, но что же я буду делать, когда англичане сами врываются ко мне, не могу же согласиться добровольно, чтобы они надели мне петлю рабства на шею» [11, с. 65].

В условиях начавшейся войны российская миссия по-прежнему оставалась в Кабуле, а афганские посланцы — в Ташкенте. Статус обоих посольств оставался неясным для всех сторон.

Берлинский конгресс не просто обострил российско-британские противоречия и поставил в их центре Афганистан. Он поставил в повестку дня вопрос о месте Афганистана во внешней политике Российской империи вообще, дал толчок к официальным заключениям и неофициальным размышлениям, явным и тайным желаниям, формулированию государственных интересов и формированию личных амбиций.

Посольство Н. Г. Столетова задумывалось как дипломатический демарш, дополняющий военные маневры и открывающий доступ к мягкому подбрюшью Британской империи. Бесспорно, все эти шаги были продиктованы желанием Петербурга сделать Лондон более сговорчивым в восточном вопросе. Но тогдашняя ослабленность армии после войны с турками и, главное, нерасторопность и нерешительность российской дипломатии замедлили реализацию как «Индийского похода», так и миссии в Кабул.

Последняя особенно трагично повлияла на судьбу Афганистана. Нерасторопность и нерешительность Петербурга, чрезвычайно затруднительная связь с отправившимся в Кабул посольством сыграли злую роль в российско-афганских соглашениях. Задача миссии генерала Столетова была выполнена. Но выполнена тогда, когда этот факт превратил Афганистан из реального союзника России в противника Великобритании, оставленного наедине с этой проблемой.

Однако, рассуждая о потенциальном конфликте между двумя крупнейшими империями, не стоит сбрасывать со счетов, что в тогдашнем мире все еще действовала Венская система международных отношений, одним из важнейших принципов которой было сохранение баланса сил. Потенциальное нарушение этого баланса повлекло за собой включение европейских держав в Восточную (Крымскую) войну. Лишь серьезная дипломатическая подготовка помогла избежать повторения этого в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Кто сегодня возьмется утверждать, что возможное столкновение России и Британии в Центральной Азии не повлекло бы за собой формирование европейской коалиции? Представляется, что обе активные стороны этого процесса отдавали себе отчет в геополитических последствиях своих действий. А потому не перешли к реальному военному конфликту.

Следуя своим геополитическим интересам, Российская империя удовлетворилась достигнутым результатом и не желала продолжения Большой игры. А для Великобритании дело еще не закончилось. Она не могла себе позволить потерять столь ценный буфер между своими индийскими владениями и потенциальным агрессором. Началась вторая

англо-афганская война, поводом к которой и стало посольство генерала Столетова, а причина — российско-британское противостояние в Центральной Азии — сохранится на долгие годы.

Благодарности. *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.*

Список использованных источников и литературы

1. Арбеков А. Б. К дискуссии о военно-политическом значении миссии Н. Г. Столетова в Афганистане летом 1878 года // Вестник государственного и муниципального управления. 2021. Т. 10, № 2. С. 70—80.
2. Асанова С. А. Смыслы российского присутствия в Центральной Азии на примере Кульджи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 64—76.
3. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии : сб. архив. док. / сост., предисл. и примеч. Т. Н. Загородникова. М. : Новый хронограф, 2014. 358 с.
4. Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1878—1879. Акт первый: «Индийский поход» К. П. Кауфмана [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2 (42). С. 140—154. URL: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/11_42_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.42.11.
5. Васильев Д. В. Китайский вопрос в Русском Туркестане: к истории российской администрации в Илийском крае // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 93—101.
6. Васильев Д. В. Кульджа под российским владычеством: взгляд имперской администрации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 52—63.
7. Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М. : ИБП, 2015. 303 с.
8. Васильев Д. В., Почекаев Р. Ю., Асанова С. А. Предел империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России. Вторая половина XIX в. СПб. : Нестор-История, 2021. 240 с.
9. Загородникова Т. Н. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н. Г. Столетова в Кабул // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2006. № 4. С. 21—36.
10. История Афганистана. Т. 2. М. : Наука, 1965. 551 с.
11. Посольство генерала Столетова в Афганистане (1878—1879 гг.) : сб. док. / ред. А. В. Станишевский. Ташкент, 1948. 155 с.
12. Россия и Афганистан. М. : Наука, 1989. 208 с.
13. Снесарев А. Е. Афганистан. М. : Гос. изд-во, 1921. 244 с.
14. Соболев Л. Н. Англо-афганская распря: (Очерк войны 1879—1880 гг.). Вып. 1—8. СПб. : Тип. д-ра М. А. Хана, 1880—1885.
15. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб. : Типо-лит. В. В. Комарова, 1906. 547 с.
16. Халфин Н. А. Вторая англо-афганская война (1878—1880 гг.) // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 117—130.
17. Халфин Н. А. Победные трубы Майванда. Историческое повествование. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1980. 352 с.
18. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). М. : Соцэкгиз, 1959. 210 с.
19. Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.). Ташкент : Фан, 1969. 456 с.
20. Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 1. СПб. : Тип. д-ра М. А. Хана, 1882. 383 с.
21. Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 2. СПб. : Тип. д-ра М. А. Хана, 1883. 387 с.

Поступила в редакцию 07.02.2022

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, доцент
 Московский городской педагогический университет
 Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
 E-mail: dvvasiliev@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-6616-0646

UDC 94(47)“1878/1879”

D. V. Vasilyev

Afghanistan at the Center of the Great Game. 1878—1879. Act Two: The Embassy of N. G. Stoletov

The embassy of N. G. Stoletov to Kabul in 1878 has its own historiography. However, there is a need for a thorough analysis of historical realities in order to identify all aspects of this controversial event. The article fully recreates the history of the embassy of General Stoletov. Particular attention is paid to the role of individual actors and the dynamics of the foreign policy situation — factors that had a major impact on the effectiveness and political significance of the mission. The involved official and diplomatic correspondence, as well as sources of a memoir nature, led to the use of methods of analysis and criticism of historical sources. Compliance with the principle of historicism made it possible to create a possibly objective narrative of the episode of Russian-Afghan relations. The study made it possible to assess the place of Afghanistan in the Asian and European politics of the Russian Empire and showed an example of using various diplomatic tools to implement the political tasks of the state.

Key words: N. G. Stoletov, embassy, Russian-Turkish war, 1878, Afghanistan, the Great Game, Turkestan, Shir-Ali, K. P. Kaufman, Berlin Congress, second Anglo-Afghan war.

Vasilyev Dmitry Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
 Moscow City University
 Russian Federation, 129226, Moscow, 2 Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 4
 E-mail: dvvasiliev@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-6616-0646

References

1. Arbekov A. B. K diskussii o voenno-politicheskom znachenii missii N. G. Stoletova v Afganistane letom 1878 goda [In addition to the debate on the military and political significance of N. G. Stoletov's summer mission to Afghanistan in 1878]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya — Journal of Public and Municipal Administration*, 2021, vol. 10, no. 2, pp. 70—80. (In Russian)
2. Asanova S. A. Smysly rossiiskogo prisutstviya v Tsentral'noi Azii na primere Kul'dzhi [Meanings of the Russian Presence in Central Asia (On the Example of Ghulja)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya — Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2020, vol. 25, no. 5, pp. 64—76. (In Russian)
3. “Bol'shaya igra” v Tsentral'noi Azii: “Indiiskii pokhod” russkoi armii: sb. arkhiv. dok. [“The Great Game” in Central Asia: “Indian Campaign” of the Russian Army. Coll. of archive doc.]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2014. 358 p. (In Russian)
4. Vasil'ev D. V. Afganistan v tsentre Bol'shoi igry. 1878—1879. Akt pervyi: “Indiiskii pokhod” K. P. Kaufmana [Afghanistan at the Centre of the Great Game. 1878—1879. Act One: “Indian Campaign” of K. P. Kaufman]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2022, no. 2 (42), pp. 140—154. Available at: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/11_42_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.42.11. (In Russian)
5. Vasil'ev D. V. Kitaiskii vopros v Russkom Turkeстане: k istorii rossiiskoi administratsii v Iliiskom krae [The Chinese Question in the Russian Turkestan: A History of the Russian Administration in the Ili Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2019, no. 449, pp. 93—101. (In Russian)

6. Vasil'ev D. V. Kul'dzha pod rossiiskim vladychestvom: vzglyad imperskoi administratsii [Ghulja Under Russian Rule: View of the Imperial Administration]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya — Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2020, vol. 25, no. 5, pp. 52—63. (In Russian)
7. Vasil'ev D. V. *Forpost imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Seredina XIX veka* [Outpost of the empire. Russian administrative policy in Central Asia. Mid 19th century]. Moscow, IBP Publ., 2015. 303 p. (In Russian)
8. Vasil'ev D. V., Pochekaev R. Yu., Asanova S. A. *Predel imperii: Vostochnyi Turkestan, Kul'dzha, Khunza v orbite politicheskikh interesov Rossii. Vtoraya polovina XIX v.* [The limit of the empire: Eastern Turkestan, Ghulja, Hunza in the orbit of Russia's political interests. Second half of the 19th century]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 240 p. (In Russian)
9. Zagorodnikova T. N. "Indiiskii pokhod" russkoi armii i missiya generala N. G. Stoletova v Kabul ["The Indian campaign" of the Russian army and the mission of general N. G. Stoletov to Kabul]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' — Oriens*, 2006, no. 4, pp. 21—36. (In Russian)
10. *Istorija Afganistana. T. 2* [History of Afghanistan. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 551 p. (In Russian)
11. *Posol'stvo generala Stoletova v Afganistane (1878—1879 gg.): sb. dok.* [Embassy of General Stoletov in Afghanistan (1878—1879). Coll. of doc.]. Tashkent, 1948. 155 p. (In Russian)
12. *Rossiya i Afganistan* [Russia and Afghanistan]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 208 p. (In Russian)
13. Snesev A. E. *Afganistan* [Afghanistan]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1921. 244 p. (In Russian)
14. Sobolev L. N. *Anglo-afganskaya rasprya: (Ocherk voiny 1879—1880 gg.). Vyp. 1—8* [Anglo-Afghan strife: (Essay on the war of 1879—1880). Iss. 1—8]. St. Petersburg, Tip. d-ra M. A. Khana Publ., 1880—1885. (In Russian)
15. Terent'ev M. A. *Istorija zavoevaniya Srednei Azii. T. 2* [History of the conquest of Central Asia. Vol. 2]. St. Petersburg, Tipo-lit. V. V. Komarova Publ., 1906. 547 p. (In Russian)
16. Khalfin N. A. *Vtoraya anglo-afganskaya voyna (1878—1880 gg.)* [Second Anglo-Afghan War (1878—1880)]. *Voprosy istorii*, 1979, no. 3, pp. 117—130. (In Russian)
17. Khalfin N. A. *Pobednye truby Maivanda. Istoricheskoe povestvovanie* [Maiwand's victory trumpets. Historical narrative]. Moscow, Nauka, Glav. red. vost. lit. Publ., 1980. 352 p. (In Russian)
18. Khalfin N. A. *Proval britanskoi agressii v Afganistane (XIX v. — nachalo XX v.)* [The failure of British aggression in Afghanistan (19th century — early 20th century)]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1959. 210 p. (In Russian)
19. Khidoyatov G. A. *Iz istorii anglo-russkikh otnoshenii v Srednei Azii v kontse XIX v. (60—70-kh gg.)* [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the 19th century. (60—70s)]. Tashkent, Fan Publ., 1969. 456 p. (In Russian)
20. Yavorskii I. L. *Puteshestvie russkogo posol'stva po Avganistanu i Bukharskomu khanstvu v 1878—1879 gg. T. 1* [Journey of the Russian Embassy in Afghanistan and the Bukhara Khanate in 1878—1879. Vol. 1]. St. Petersburg, Tip. d-ra M. A. Khana Publ., 1882. 383 p. (In Russian)
21. Yavorskii I. L. *Puteshestvie russkogo posol'stva po Avganistanu i Bukharskomu khanstvu v 1878—1879 gg. T. 2* [Journey of the Russian Embassy in Afghanistan and the Bukhara Khanate in 1878—1879. Vol. 2]. St. Petersburg, Tip. d-ra M. A. Khana Publ., 1883. 387 p. (In Russian)